

Лист бумаги размером примерно полтора на два с половиной метра стоил сто вэней.

Поскольку у Гу Чжао уже была тушечница, ему требовалось лишь подобрать подходящую тушь. Самая дешевая плитка весом около четырех лянов обошлась в сто пятьдесят вэней. Кисти из кроличьего или козьего ворса стоили меньше прочих, но цена всё равно зависела от толщины: обычные, для переписывания книг, отдавали по тридцать монет за штуку, а те, что покрупнее — по пятьдесят.

Две кисти, плитка туши и один лист бумаги — итого триста тридцать вэней.

Ли Чжоучжоу выращивал свинью больше года: каждый день рубил ботву, смешивал её с отрубями и кормил скотину трижды в день. К моменту забоя упитанная хавронья весила немногим больше двухсот цзиней. Мясо стоило по десять монет за цзинь; пока они стояли у лавки, Гу Чжао поинтересовался ценой на кости — за один вэнь можно было выручить две крупные сахарные косточки.

Получалось, что за откормленную свинью весом в двести цзиней можно было выручить около двух лянов серебра.

Только что юноше казалось, что соль и сахар стоят баснословно дорого, но в сравнении с письменными принадлежностями жизнь простого люда, не обремененного тягой к знаниям, выглядела вполне сносной и сытой. Однако стоило лишь на мгновение поддаться искушению этой тихой радости, как человек становился заложником капризов судьбы: оставалось лишь молить небо о доброй погоде, надеяться на милость государя, отсутствие новых податей, честность чиновников и мир на границах.

«Нет, сдавать государственные экзамены было необходимо»

— У вас есть эти книги? — спросил Гу Чжао, протягивая приказчику список.

Тот мельком глянул на бумагу и кивнул:

— Имеются. Обождите мгновение.

Он подошел к стеллажам и вскоре вернулся с двумя тонкими томиками:

— За обе книги — два ляна серебра.

Гу Чжао на мгновение лишился дара речи.

«Одна дородная свинья за одну книгу!»

— А есть рукописные списки? — поспешно спросил он. — Я возьму копии.

Приказчик с явным разочарованием вернул книги на полку, ворча под нос, что эти тома отпечатаны в самой столице: шрифт четкий, бумага отменная, и храниться такие книги могут веками, не зная износа.

Заметив, как у Чжоучжоу загорелись глаза, Гу Чжао тут же прервал изливания лавочника:

— Нам нужны рукописные. Те, что подешевле.

Такие копии обычно делали бедные ученики, чтобы заработать на пропитание и заодно закрепить знания.

— Рукописные обойдутся в один лян, — приказчик выложил копии на прилавок.

Гу Чжао пролистал их. Почерк был куда аккуратнее и ровнее его собственного, хоть изредка и встречались замазанные кляксы. С учетом пятидесятипроцентной скидки на мелкие ошибки можно было закрыть глаза.

— Берем эти.

Ли Чжоучжоу всё еще косился на те, столичные, про которые говорил приказчик...

— Ну как, Чжоучжоу? Хороши ведь? — заглядывая ему в глаза, спросил Гу Чжао.

Муж не заставил себя долго ждать и отсчитал деньги. Приказчик обернул тушь промасленной бумагой — не дай бог намокнет, тогда и книгам, и бумаге конец. Собрав покупки, он передал их покупателям:

— Благодарю за покупку. Итого один лян и триста тридцать вэней.

Когда они вышли из лавки, Гу Чжао бережно прижал сверток к груди. Чжоучжоу негромко произнес:

— Сянгун, по правде сказать, за эти годы я скопил три ляна и четыре связки монет. Мы вполне могли бы купить и те, печатные книги.

— Надо же, мой Чжоучжоу, оказывается, настоящий богатей! — рассмеялся Гу Чжао.

Он снова заговорил так, как Чжоучжоу не всегда понимал, но по голосу чувствовал — муж над ним подтрунивает. Отшутившись, учёный посерьезнел:

— Я знаю, как ты заботишься обо мне. Но учение — дело не одного дня. Сегодня мы купили две книги, завтра понадобятся новые. Книгам нет конца и края, а бумага и кисти и вовсе расходный материал. Нам и дешевых пока хватит.

Дома муж часто дурачился и капризничал, словно ребенок, и Чжоучжоу это нравилось. Но сейчас, когда Гу Чжао говорил так рассудительно и степенно, в нем чувствовалась надежность. Это нравилось юноше ничуть не меньше.

— Хорошо, — невольно вырвалось у него. — Как скажешь, так и будет.

Закончив с делами, они поняли, что наступил полдень. Завтрак давно остыл, а животы сводило от голода. Чжоучжоу привел супруга к лоточнику и заказал две миски лапши: одну пустую, другую — с мясом.

Простая лапша стоила три вэня, мясная — пять. Хозяин быстро подал заказ в больших грубых чашах. Ли Чжоучжоу пододвинул мясную лапшу мужу. Тот не стал спорить, но деревянной ложкой переложил добрую половину соуса в миску супруга.

— Сянгун, не надо, мне и так...

— Кто это только что обещал слушаться мужа во всем? — с улыбкой перебил его Гу Чжао.

Юноша смолк, чувствуя, как на сердце становится сладко. Он послушно принялся за еду, решив про себя, что в следующий раз обязательно возьмет две порции с мясом, чтобы муж наелся вволю. Сам он ел мантоу, размачивая их в горячем бульоне. Учёному много не требовалось, ему и лапши хватало.

За соседними столиками сидели люди, и до Чжоучжоу донеслись обрывки их разговора. Они гадали, кем приходятся друг другу эти двое — на супругов, мол, не похожи, скорее братья. Ему эти толки пришлись не по душе.

— Чжоучжоу, дай-ка я откушу твое мантоу.

Он очнулся от своих мыслей и хотел было отломить кусочек там, где еще не касался зубами, но муж не дал ему этого сделать. Он наклонился и откусил прямо из рук супруга.

— Гляжу, ты так аппетитно ешь, что и мне захотелось, — пробормотал Гу Чжао с набивым ртом.

Тот вспыхнул до корней волос и уткнулся в свою миску:

— Сянгун, еще хочешь?

— Нет, я только попробовать. Иначе лапшу не осилю.

Теперь и досужие едоки поняли, в каких отношениях состоят эти двое. Один проворчал: «Я же говорил, что слышал, как этот верзила назвал ученого мужем, а ты спорил!» Другой хмыкнул: «Кто бы мог подумать, что такой высокий — и гэ'эр? С виду и не скажешь».

А первый добавил: «Да какая разница, какого он роста? Видать, живут душа в душу, раз даже лепешку одну на двоих делят».

Юноша украдкой взглянул на мужа. Тот наверняка всё слышал и нарочно укусил его мантию, чтобы унять сплетников.

Пообедав и немного передохнув, они двинулись в обратный путь. На полдороге Гу Чжао снова пришлось сделать привал. Когда они наконец увидели вдали поля деревни Сипин, солнце уже клонилось к закату. И снова юноша чувствовал вину за свою медлительность: иди Чжоучжоу один, ему бы не пришлось вставать в такую рань и возвращаться так поздно.

Сегодня им пришлось ужинать при свете лампы.

— Отец сам приготовит, — успокоил его Чжоучжоу.

Домой они вошли в сумерках. Едва скрипнула калитка, как Ли Да подал голос:

— В котле каша осталась, поешьте и ложитесь отдыхать.

За сына он не беспокоился.

— Спасибо, отец. А вы сами-то поели? — Гу Чжао поспешил помочь снять тяжелую корзину.

Ли Да, увидев, как зять обеими руками вцепился в поклажу, лишь бровью повел. Позже он всё же шепнул сыну, чтобы тот зарезал курицу — зима на носу, надо подкормить Гу Чжао, а то на него смотреть больно.

— Поел, — бросил старик и ушел в свою комнату.

Учёный первым делом отнес в комнату книги и письменные принадлежности. Ли Чжоучжоу привычным легким движением подхватил корзину и унес её на кухню. В печи еще тлело несколько полешек. Он заглянул в котел. Отец, когда готовил сам, никогда не жалел зерна — каша у него выходила густая, как вареный рис.

При свете затухающего огня юноша разобрал покупки: соль пересыпал в банку, уксус пристроил на полку. Достал сухофрукты, дешевый чай и те самые сахарные косточки, которые муж просил потушить с редькой. Деревенские такие голые кости обычно не брали — толку в них мало, а дров на варку уйдет уйма. Но супруг сказал, что такой бульон полезен для здоровья и поможет ему подрасти, и Чжоучжоу поверил. Мясо, сахар и вино для завтрашней поездки в деревню Дунпин он прибрал отдельно.

Ужинали уже в полной темноте, прямо на кухне — там было теплее.

— У отца каша знатная вышла, с кислым редисом — самое милое дело, — Гу Чжао сегодня много прошагал, проголодался, и любая еда казалась ему пиром.

«Каша так каша, сянгун» — Ли Чжоучжоу лишь улыбнулся про себя.

Когда с ужином было покончено и они умылись, муж обнаружил на обеих ступнях водянистые мозоли. Юноша прокалил иглу над пламенем лампы и осторожно проткнул пузыри. Гу Чжао попытался встать и тут же зашипел от боли.

— Сянгун, давай я тебя в комнату на руках отнесу, — предложил Чжоучжоу.

Гу Чжао замер. Сохранится ли после этого хоть капля его мужского достоинства? Он лишь беспомощно протянул руки и без зазрения совести пробормотал:

— Муженёк, неси меня.

Ли Чжоучжоу легко подхватил его. Он не знал в точности, что значит это слово «муженёк» — верно, так в иных краях зовут супругов. Это не казалось ему чем-то зазорным.

— Чжоучжоу, когда я подрасту и стану сильнее, я тоже буду носить тебя на руках, — торжественно пообещал Гу Чжао, прижавшись щекой к его груди.

— Хорошо, — ответил муж. Он обязательно будет варить супругу костный бульон.

Гу Чжао первым забрался на кан, чтобы согреть постель. Ли Чжоучжоу прибрал на кухне и только тогда вернулся в комнату. Задув лампу, он лег рядом, и муж тут же прильнул к нему. Учёный боялся холода и любил спать в его объятиях.

— Спи, сянгун.

— Угу... — пробормотал тот, засыпая. — Отец же говорил, что кашу сварил, почему она такая густая была...

Чжоучжоу склонился над ним и увидел, что супруг уже спит. Уголки его губ невольно поползли вверх.

«До чего же он милый»

На следующее утро, с первым криком петуха, Ли Чжоучжоу уже был на ногах. Он легонько похлопал мужа по плечу. Вчера тот совсем измучился, а сегодня в Дунпин спешить некуда — путь близкий, даже с неспешным шагом дойдут меньше чем за час.

Юноша не умел долго нежиться в постели. Он развел огонь и приготовил завтрак. На заднем дворе он собрал яйца — из девяти кур сегодня снеслись одиннадцать яиц. Три он оставил к завтраку, остальные припрятал. Деньги от продажи яиц Ли Да всегда оставлял сыну.

Перед выходом в город отец выдал Чжоучжоу три ляна серебра — он знал, что учение стоит дорого. Закончив с завтраком и дождавшись, пока старик поднимется, сын отчитался о каждой потраченной монете.

— Оставь сдачу себе, — отмахнулся Ли Да. — Теперь ты человек семейный, лишняя монета под рукой не помешает. — Он знал, что Чжоучжоу не станет тратить деньги попусту. — Гу Чжао еще не встал?

— Устал он вчера сильно, — ответил тот, убирая деньги.

Ли Да испытывал к зятю смешанные чувства. «Как же можно быть таким хилым? Если мужчина так слаб телом, то как он детей-то заделает? У моего Чжоучжоу и так родинка бледная, ему поддержка нужна».

— Куры что-то плохо нестись стали, — рассудил он вслух. — Гу Чжао от учебы совсем изведется. Режь по курице в месяц, пусть сил набирается.

— Хорошо, отец!

Гу Чжао проснулся около семи. Вчерашние мозоли уже подсохли, но ходить всё равно было непривычно, поэтому он двигался медленно. Ли Да, глядя на него, лишь тяжело вздохнул. С таким зятем внуков ему, видать, придется ждать долго.

Хоть деревни и находились в разных концах округа, путь между ними был коротким. Даже неспешным шагом они добрались меньше чем за час.

Время близилось к девяти утра. Едва они вошли в деревню, как взгляды всех кумушек, собравшихся под деревом, скрестились на них. Гу Чжао плохо помнил односельчан в лицо, поэтому просто вежливо улыбался всем подряд:

— Доброго здоровья, тетушки, дядюшки.

— О, учёный Гу вернулся!

Прежний Гу Чжао был заносчив и смотрел на крестьян свысока. Теперь же односельчане не упустили случая позлословить.

— Верно, визит на третий день пришлось отложить, так вот сегодня заглянули, — с улыбкой ответил Гу Чжао. — А это мой Чжоучжоу.

Имя Ли Чжоучжоу гремело на обе деревни.

— Здравствуйте, почтенные, — вежливо поклонился гэ'эр.

Многие видели его на свадьбе, но и теперь разглядывали с любопытством. Стоило паре отойти, как языки развязались. Кумушки принялись обсуждать всё: от роста Чжоучжоу до содержимого их корзин.

— Матерь божья, в жизни не видела такого высокого гэ'эра! Вылитый мужик.

— А вы видели? Учёный Гу и раньше-то не больно крепок был, а тут всего несколько дней прошло, а он уже идет — ноги заплетаются. Видать, совсем его там укатали?

Замужние бабы не стеснялись в выражениях, и под деревом раздался дружный хохот.

— Слыхала я, этот книжник теперь сам воду таскает.

— Ишь ты, совсем приемыша за человека не считают.

Но нашлись и те, кто рассудил иначе:

— Не похоже, чтобы Ли его притесняли. Видели, что у него в руках? Два цзиня мяса, кувшин вина, сахар — всё честь по чести.

Огромная сумма, выплаченная Ли Да, не давала односельчанам покоя.

— Ты своего Чжуцзы получше корми, — подначил кто-то одну из женщин. — Глядишь, и его когда в приемыши за серебро возьмут.

— Тьфу на тебя! Я родная мать, а не Ли Гуйхуа какая-нибудь, чтобы на серебро сына менять! — вспыхнула та.

Ли Гуйхуа была мачехой Гу Чжао.

— Не отдай она Гу Чжао, на что бы её Хэ-тоу учился? Совсем сердца нет. Помнится, мачеха его даже в дождь в поле гнала.

— Ну, тут не только она виновата. Слыхала я, отец хотел его в город в лавку пристроить, чтоб грамотой на жизнь зарабатывал, так он — ни в какую. Раз ничего делать не хочет, кто ж такого дармоеда кормить станет?

— Ли и станут. Видать, выкинули они восемнадцать лянов на ветер, купили себе нахлебника...

Дом семьи Гу стоял на отшибе. Семья давно разделилась. У отца Гу было пятеро братьев и сестер, он был самым младшим. Братья до раздела имущества жили в старом доме, и старики души не чаяли в младшем сыне — Гу Чжао смог учиться только благодаря этой любви. Содержать одного ребенка всей семьей было не в тягость. В этом судьба учёного была противоположностью судьбе Чжоучжоу.

Когда дед Гу умер, бабушка осталась со старшим сыном. Наследство ей досталось богатое, и она втихомолку подбрасывала денег младшему. Братья об этом знали, но молчали — семья жила дружно. У отца Гу дела шли похуже. Он давно перестал верить в успехи сына, но прежний Гу Чжао умел красиво рассуждать и долго водил отца за нос. Так продолжалось до прошлого года, когда после экзаменов имена провалившихся вывесили на позорной доске. Мачеха Ли Гуйхуа тут же ухватилась за этот случай, и отец Гу с облегчением перекрыл сыну доступ к деньгам.

Ли Гуйхуа была уверена, что сэкономленные деньги пойдут на её родного сына, Хэ-тоу. Когда зашла речь о том, чтобы пойти в приемыши, в доме снова разразился скандал. Отец Гу даже хотел побить сына, но тот вовремя прикинулся, что упал в обморок. В конце концов, дело уладили. Во-первых, мачеха, узнав о восемнадцати лянах, каждый вечер нашептывала мужу нужные слова. Во-вторых, Гу Чжао с прошлой весны палец о палец не ударил.

Мачеха рассуждала так: «Раньше на его учебу братья твои скидывались, уйму денег потратили. А теперь он и не учится, и не работает — ты что, его до гроба кормить собираешься? В семье Ли ему только лучше будет...»

Ли Гуйхуа не могла нарадоваться: восемнадцать лянов от семьи Ли переходили прямиком в её руки. Отец Гу в конце концов сдался, но в день свадьбы прилюдно обругал сына. Этим он хотел показать: мол, дело это постыдное, и к нему, отцу, оно никакого отношения не имеет.

<http://bllate.org/book/15349/1413444>